

Сапфирова Эльвира

За поворотом

16+

Эльвира Сапфирова
За поворотом

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Сапфи́рова Э.

За поворотом / Э. Сапфи́рова — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Разные в жизни бывают дни. Бывают такие, которые делят жизнь на две половины: до и после. Поворотные, судьбоносные. Только вот понять, осознать их удастся поздно. Молодую пару, закончившую педагогический институт, направляют в сельскую глубинку, Мещёрский край, отрабатывать диплом, где они стойчески преодолевают препятствия. В годы застоя молодожены сталкиваются не только с бытовыми трудностями, но и моральной нечистоплотностью начальства. Запрос в институт оформлялся районо на одного учителя русского языка и литературы, а приехало работать двое. Осенью директриса стояла перед выбором: или принять молодых специалистов, или разрушить свою личную жизнь. Надо было сделать так, чтобы они уехали сами.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Глава 1

Разные в жизни бывают дни. Бывают такие, которые делят жизнь на две половины: до и после. Поворотные, судьбоносные. Только вот понять, осознать их удастся поздно. Для меня это день, вместивший в себя и выпускной вечер в институте, и свадьбу. Мгновение – и ты стал взрослым, получил полную самостоятельность, что подтверждалось документами: свидетельством о браке, дипломом мужа об окончании института и направлением в глушь лесную на три года. День, когда я свернула с широкой дороги знаний на неведомую тропинку. За каких-нибудь семь месяцев работы в Отраденской восьмилетней школе я дважды была на краю гибели, но воспринимала все происходящее как случайность. А ведь это Судьба пыталась подсказать, пыталась заставить меня уйти с этой дороги, искать счастье в другом месте. Но не тут-то было! Упряма, своевольна. Рвалась к самостоятельной жизни. Идея Юлия Цезаря «Лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе», к которой я прилипла, не отпускала, руководила. Она диктовала условия, и действия.

Получить свободу – значит остановиться, обдумать, понять, твоя ли это жизненная колея. Ведь когда путь выбран неверно или, может быть, самый трудный, она, моя родная, изо всех сил старается образумить, но куда там... Рвусь напролом, угождая каким-то мифическим идеям, чувствам; героически преодолеваю препятствия. Сесть бы и задуматься: а почему, отмахнувшись от одной неприятности, на горизонте маячит уже другая.

Да. Жизнь! Ее только тогда и начинаешь понимать, когда исправить ничего невозможно. А начиналось все так.

И лето пролетело, и медовый месяц в Пицунде – как один день.

В середине августа мы должны прибыть в таинственную деревню Отраду, про которую мало кто слышал, а уж как туда попасть, доехать и вовсе точно никто не мог нам сказать. По карте выходило совсем близко, километров пять-шесть. Два часа ходу! Поэтому накануне было решено сократить путь: не ехать по трассе в переполненном автобусе, а потом еще идти пешком по дороге под палящим солнцем среди полей, а махнуть утречком, пораньше напрямую, по лугам. Заодно и дачу Тарковского посмотреть.

Но с ориентировкой на местности получился прокол.

Уже далеко за полдень, проплутав все утро и весь день, уставшие, зажаренные солнцем, голодные и измученные жаждой, мы постучались в дом директрисы школы.

Вышла женщина лет сорока, худощавая, невысокого роста, в легком грязном халатике (видно, в огороде картошку копала). Руки крепкие, широкие, запачканные в земле. Русые пряди, завязанные в пучок на затылке, выбились на свободу, но тут же прилипли к мокрой от пота шее. Она смущенно отряхнула фартук, вытерла об него руки, сняла и метко кинула на поленицу. Узнав, кто мы, обрадовалась, пригласила в дом. Вот где мы пили, пили и пили. Это была самая вкусная вода. Я физически ощущала, как ледяная влага вытесняет жар из моего тела, из моей охваченной пламенем головы. Блаженство прохлады обволакивало, успокаивало.

Хозяйка суетливо бегала из комнаты в сени, где на газовой плите шкварчала картошка, омытая подсолнечным маслом, мешала ее, и запах, такой густой, такой вкусный, струйкой щекотал наши ноздри. Из десяти ведерной кадучки она доставала соленые грибочки и еще успевала рассказывать, как они хорошо здесь живут и как здорово, что мы приехали вдвоем и именно к ним: теперь в школе будет свой учитель музыки и еще один «целый» мужчина.

– Ведь Вы же поете, да? – обратилась она ко мне. – Мне в районо рассказывали, что Вы еще и играете на баяне? Да?

– На аккордеоне, – поправила я.

– Ну, это все равно, – отмахнулась директриса.

Понимаете, – обратилась она к единственному мужчине, – я сама вела уроки пения, но я же историк, а теперь дети смогут под музыку, да!? – возбужденно тарыхтела она, не давая ответить, но, наверное, ей и не нужен был ответ. Она все уже сама решила. И какая ей разница как дети будут петь:

акапеллой или под аккомпанемент, главное – будет звучать инструмент.

– У вас будет даже больше ставки. А мужу отдадим физкультуру и полставки завуча. А?

Женщина неожиданно быстро и изящно наклонилась ко мне, подмигнула, как подруге, и заговорщицки сказала банальную фразу:

– Ух, мужчин надо беречь, они в школе на вес золота.

Я хотела было возразить на это глупое расхожее выражение: не пол важен, мол, а человек, его внутренний мир, но она уже не смотрела на меня, а громко смеялась, кокетничая:

– Не так ли, Евгений Степанович? Зачем Вам вести уроки русского языка! Сиди потом, корпи над тетрадями. То ли дело физкультура! Дал мяч мальчишкам и скакалки девчонкам – и вся работа. Ну, как? Вы согласны? Правда?

И она опять озорно подмигнула моему спутнику, легко, без усилий, поставила на стол тяжелую чугунную сковороду, доверху наполненную жареной картошкой.

– Ой, как вкусно пахнет! – услышали мы сладкий тенорок, повернулись к входной двери и увидели темно-русого парня лет двадцати пяти, в клетчатой рубашке, симпатичного, широкоплечего.

– Э... да к нам гости пожаловали. Учителя?

Мы кивнули.

– Да, да, мне уже сказали.

Он наклонился, выбросив руки в стороны, явно пытаясь сделать церемонный поклон, и добавил, как бы извиняясь за жителей: «Деревня!».

Что-то кошачье было в его движениях, мягкое, мурлыкающее, но хотелось не расслабиться, а наоборот, спрятаться. Невысокий крепыш с осиной талией играючи подхватил стул и, подложив под свое опускавшееся тело, сел напротив нас, держась за спинку обеими руками. Да. Красив. Чуть-чуть добавить бы росточку – и готов романтический герой, мечта всех женщин. На хозяйку, застывшую у стола, не глядел, демонстративно уселся к ней спиной. Но даже мы чувствовали его все охватывающий взгляд.

Так, так, значит, прибыл учитель физкультуры, да? – продолжал он допрос. – А Вы, – обратился он ко мне, – русский будете вести?

Во вкрадчиво мягком голосе послышались издевательские нотки и то, что было выделено слово «русский» явно говорило о его сомнениях в наших педагогических способностях, хотя сам он выглядел не на много старше.

Мы опять молча кивнули. В комнате повисла тишина.

– Ну, ну, не робейте, наваливайте на картошечку. А ты, чего истуканом стоишь? – обратился он к бледной директрисе. – Давай, ублажай! – И добавил, стоя у двери, делая паузу после каждого слова, – вернусь, может быть, завтра.

Надежда Ивановна вздрогнула от стука закрывшейся двери и обреченно села на край табуретки, по-старушечьи сложив руки на фартуке.

– Ну, все, – сказала она как бы про себя, – опять начнется.

Что начнется? Кто это? Почему директриса так испугана? Расспрашивать было неудобно. Смущенные, мы сидели, не зная, что делать. Но она сама, увидев, наконец, наши голодные глаза, грустно предложила:

– Ну, что ж это я, кушайте, кушайте, а то остынет за разговорами.

Мы накинулись на еду и узнали, что это ее второй муж, у них есть дочь, два годика, а ее семилетний сын сейчас гостит у бабушки. Муж у нее умный, начитанный, хоть и тракторист. Вот только одна беда: ревнивый да вспыльчивый, но любит ее очень сильно. Мы, конечно,

слушали в пол-уха, больше ели, но все же заметили, что ни былого энтузиазма, ни игривого веселья уже не было. Она нервно, озабоченно стелила нам постель и с опаской поглядывала на дверь, будто боялась чего.

Жила Надежда Ивановна в школьном деревянном доме уже три года. Приехала в деревню разведенкой с сыном, худеньким запуганным мальчиком, быстро освоилась и лихо руководила и школой, и художественной самодеятельностью отделения колхоза. Сама с удовольствием и пела, и плясала, чем покорила местную власть, и воссела не только в кресло директора, но и в кресло парторга отделения, правда, на общественных началах.

За эти годы успела здесь выйти замуж за местного Ивана-механизатора на пятнадцать лет моложе ее, получить в наследство дом от бабушки непутевого мужа и вдоволь набегаться от него, прячась по чужим углам. Плоды их семейных отношений очень часто отражались на ее лице и теле в виде синяков, поэтому у нее всегда под рукой были солнцезащитные очки с коричневыми темными стеклами. Сквозь них мир не преображался, но делался мягче, приглушеннее. Видны контуры только больших предметов, зато ускользали мелочи в пейзаже, в интерьере, в человеке, а самое главное, людям, смотрящим на нее, не видны никакие коррективы в макияже хозяйки.

Все это мы узнали уже потом, а тогда, переночевав в избе гостеприимного начальства, мы вернулись в город, потому что нам подарили целых десять дней свободы до начала учебного года.

Глава 2

Второй раз до места работы мы добирались уже на автобусе. В руках чемодан, в глазах жгучее желание скорее войти в класс. Была вера себя, в свои силы и любопытство перед встречей с неизвестностью.

Отрада – одна из деревень Мещерского края. С одной стороны ее охраняют леса, с другой – расстилаются бесконечные картофельные поля. Это три улицы, разделенные песчаными рукавами высохшего русла реки, аккуратные кирпичные домики с покрашенными фронтонами и цветущими палисадниками расположились вдоль неглубоких балок. По их откосам росли раскидистые клены, серебристые тополя, строгие ясени и веселые березки, давая прохладу летом и осыпая золотом листьев осенью. Напротив каждого дома, через дорогу, ближе к краю оврага стояли амбары и бани. У каждого свое натуральное хозяйство: в район не наездишься за тридцать километров.

Все эти десять дней деревню будоражило. Как же, новые учителя, семейная пара!

Директриса нашла хорошую избу с одной комнатой, двумя стариками и русской печью посередине. Хозяева выделили нам угол для кровати, а стол приютился под подоконником. Кушать готовить во дворе, потому что печь топить еще рано, как сказала хозяйка, а то дров не хватит на всю зиму. Клозет, с настоящей сидущкой, обернутой старой газетой, скрывался за толстыми морщинистыми деревьями, в дальнем углу заросшего сада, и посещать его вечером – настоящее воспитание бесстрашия и силы воли. Но для меня, мечтающей о своем уголке, это были мелочи. Старики на зиму уезжают, и мы будем, наконец, одни. Какое красивое покрывало мне дала мамочка в приданое! Какая мягкая и теплая перина! А неудобства... Так ведь это можно и подождать месячишко, они – в Москву, к детям, а мы – на Парнас, на вершину блаженства! Изба у них светлая, теплая, и печь хороша, и школа рядом. Нам бы потерпеть, пожить монашеской жизнью чуть-чуть, но... не ужились. В этом общежитии мы продержались неделю. Дед прибежал в школу, топал ногами и раздраженно требовал убрать из его дома молодоженов.

Пришлось Надежде Ивановне срочно искать нам другое жилье. А может, и не искала, а действовала по плану, кто теперь знает. Мы игры не заметили, но отношение к нам стало более сдержанным, официальным. После работы в поле, замерзшие и голодные, пошли смотреть будущее жилье. Выбор небольшой. Один дом недалеко от школы, без окон и дверей и, главное, печки нет. Рухнула этим летом. Не повезло нам: не дождалась. А второй – у самого леса на окраине деревни, полуразрушенный, кирпичный дом с печкой – голландкой, неоштукатуренными стенами и гнилыми полами. Но это мы потом уже рассмотрели.

– Вот смотрите, – печально говорила директриса, приглашая нас во двор. – Стоит без дела уже второй год. Это дом бабушки Ивана, наследство.

Я огляделась. Широкий, заросший бурьяном двор со всех сторон окружал покривившийся штакетник. Одинокое, сторбившееся крыльцо и новенький массивный замок на крепкой дубовой двери.

Хозяйка проворно отомкнула дом, дверь будто упала внутрь, и мы увидели целые окна и печку. По сравнению с той первой развалиной это были хоромы.

– Смотрите, я не настаиваю, – говорила директриса бесцветным голосом, – не захотите здесь жить...

Только у меня жилья свободного в деревне больше нет.

Мы молчали, переглядывались, не знали, что сказать. Видя нашу нерешительность, начальство как бы вскользь бросила подсказку:

– Вы можете еще в районо поехать и сказать, что вам негде жить.

– Но Вас же за это будут ругать?! – воскликнула я, жалея директрису. Жаловаться, ябедничать! Как-то не хотелось с этого начинать учебный год. Муж молчал.

– А что делать? Не построю же я вам дом!

Она резко повернулась к двери, бросила на почерневший затертый стул наполненную хозяйственную сумку, руки спрятала в карманы осеннего пальто, нервно поежилась. Надежда Ивановна изо всех сил старалась выглядеть интеллигентно, по-городскому: узкая черная юбка, туфли на каблуках, которые стучали по тротуару в районном центре, а в Отраде или вязли в песке, или были не эффектны на тропинке. Низкий лоб она прикрывала челкой, а круглое лицо визуально удлиняла высокой прической, которой почему-то уделялось особое внимание. Мне казалось, что и хвост смотрится красиво, а директриса каждый понедельник ездила в районо и обязательно посещала поселковый салон красоты. Видно было, что она еле сдерживает свое раздражение.

– Окна есть, печка топится, дверь запирается. Что еще надо? А на постой вас никто не берет. Или здесь живите, или ... Так что можете ехать жаловаться!

Великолепный совет! Сколько бед и напастей удалось бы избежать! Но мы его не услышали. Где нам, видевшим небо в розовом цвете, понять намеки женщины, затеявшей такую тонкую игру. Она создавала такие условия, при которых мы сами должны решиться на побег из деревни. Выговор в районо – это ничто по сравнению со ссорами и побоями мужа, который требовал убрать нас из деревни. Но мы патриоты! Бросать среди учебного года детей, в третий раз перетаскивать куда-то чемоданы, привыкать к новому коллективу, нет, уж лучше здесь потерпеть, да и желание, наконец – то остаться вдвоем пусть и в шалаше, победило все доводы рассудка. Мы согласились переехать. Первая попытка выгнать провалилась.

Зато была свобода. Наш дом! Мы одни! Никто не подслушивает, никто не подсматривает! Делай что хочешь. Хоть читай до двенадцати ночи, хоть музыку слушай по радио для тех, кто не спит, и в туалет ночью в темный сад бежать не надо. Даже обогреватель можно включать сколько хочешь! Колхоз платит.

Глава 3

Первое утро на новом месте. Воскресенье. Сладко потягиваюсь: можно еще подремать, но слышу бесцеремонно-громкий женский голос и стук в окно.

– Григорьевна! Молочка-то хошь?

Вскакиваю с постели, бегу, набрасывая халат, как солдат, поднятый по тревоге, открываю засов. Стоит молодая женщина, круглолицая, румяная, курносая в застиранном цветастом платке и меховой безрукавке и держит трехлитровую банку пенящегося молока.

– Молочка-то хошь, Григорьевна? – еще раз повторяет она, а я, застыв, перевариваю услышанное. Григорьевна! Звучит! Мне двадцать один год и по отчеству взрослые люди так ко мне не обращались.

– Буду, буду, – заторопилась я, видя ее нетерпение. – А вас как зовут и где Вы живете? Спрашиваю я на ходу, – Да Вы проходите.

– Дык, Нюркой–то и кличут, а живу рядом, только два дома у леса и остались: бабы Мани, покойной и мой. У меня корова хорошая. А вам какое лучше, утрешнее или вечернее?

– А какое вкуснее?

– Дак, и то и другое вкусное, но утречком оно сладче, – отвечает соседка, сидя на единственном стуле.

– Вот и договорились. Через день, ладно?

– Ладно, ладно. Я такая рада, что у меня соседи появились. Все не так страшно будет зимой.

– А чего бояться?

– Да кабаны забодали, будь они неладны! А, бывает, и медведь заглянет, – добавляет она, стрельнув взглядом на лежащего в кровати мужа.

– Прямо к дому? – обомлела я.

– Ну да. Правда, один раз всего было, но страху натерпелась. Потоптался, обошел хлев вокруг и ушел в лес. Дружка, наверное, испугался.

– А кабаны?

– А что кабаны. Им картошечки хотся, а здесь, рядом ихняя тропа к гурту. Они, милые, тут всю зиму шастают, потому как заповедник.

– Но ведь они же не нападают на людей? – спрашиваю с надеждой, будто хватаюсь за соломинку.

– Ну, как сказать, Григорьевна, – покачала она головой, – если секач, то может и зарезать: злющий уж очень. С ним лучше не встречаться: клыки на полметра выставит и роет копытом. Жуть! А остальные сами тебя обойдут. Да не бойсь ты так, до зимы далеко, до Бога высоко, авось все будет хорошо, – подытожила Нюра, вставая. – Дак, я послезавтра утречком, да? До школы.

– Да, да, приносите.

На душе беспокойно, услужливое воображение рисовало одну картинку страшнее другой. Хорошее настроение растаяло. Вот это меня занесло! К медведям и кабанам!

– Жень, ты слышал? Вот это да!

– Да сказки это, брось, – пробурчал муж спросонья, и я успокоилась: ему виднее. Наверное, он сказал то, что я хотела услышать.

Глава 4

Работаем в поле уже целую неделю. Проучились три дня – и вперед убирать урожай до конца четверти. А кому же еще собирать картошку, если не детям! Отмечаю очередное ведро, высыпанное учеником в тележку, и прячу руки вместе с тетрадью в карман. Холод пробирает до костей. Вчера трактор прошел по рядам, вывернул кусты, а утром дети замерзшими ручонками выковыривают клубни из поседевшей земли. Моросит, а трудовой десант из пяти классов, пяти учителей перетряхивает землю на семидесяти четырех рядках, уходящих в небо.

– Эльвира Григорьевна, отметьте! – звонко кричит Саня, худенький, невысокий четвероклассник, – я уже высыпал! Он поднимает и показывает мне пустое огромное ведро.

– Не носи полное, – кричу я в ответ и поражаюсь выносливости детей и равнодушию родителей.

Подхожу к мальчугану. Фуфайка распахнута, курносый нос ежесекундно шмыгает, щеки, как наливное яблочко, в глазах нетерпение.

– Отметили? А то мне бежать надо: отстану ведь. Мы ж наперегонки! – объясняет он.

– Отметила, конечно, не волнуйся. Ты зачем такое большое ведро взял? Тяжело ведь!

– А у маманьки нет меньше, все такие! – слышу ответ ученика, убегающего к дальнему ряду.

Резиновые сапоги еле вытаскиваются из раскисшей земли, на поношенных куртках, фуфайках серебрятся льдинки, а дети с деловитой озабоченностью, почти весело, собирают урожай. Работают.

«Да, – подумала я. – Уроков труда в школе нет, совсем нет, а какие трудолюбивые дети!»

Сильно замерзли? – прерывает мои размышления Валентина Петровна, профсоюзный лидер и учитель биологии, географии, химии, природоведения. Всегда восхищалась смелостью учителей широкого профиля. Это сколько же наук надо знать, чтобы донести их основы детям! Известно ведь, что объяснить можно лишь то, что самому понятно. Вот она неприглядная специфика сельской школы. – Вот, возьмите мои, меховые, погрейтесь пока.

Я натягиваю варежки, и руки утопают в лето. Непередаваемые ощущения! Видя блаженство, разлитое по лицу, Валентина Петровна засмеялась:

– Как мало для счастья человеку надо. Да? Как устроились на новом месте? Тепло? Печка-то хоть не дымит? Два года изба нежилая стояла.

– Да ничего, не замерзаем, – соврала я.

Ее участие тронуло. Меня поддерживала красивая, статная средних лет женщина с черными усиками над верхней губой и густом контральто. У такой не забалуешь! Тембр голоса насыщенный, глубокий, хватит и полтона выше обычного, чтобы пригвоздить хулигана к парте. И работают ее семиклассники дружно, плечом к плечу. Есть чему поучиться.

– Ну, ну, может быть и так. Только Вы, Эльвира Григорьевна, не давайте бежать вперед ребятам. Пусть лучше помогают тем, кто отстает. Вам легче будет проследить за всеми.

– Да они и так работают. Удивляюсь их трудолюбию и сознательности. Ходят каждый день!

Она рассмеялась:

– Так за этим не мы следим, а родители. Это же колхоз! Трудодни на семью начисляют. А Надежду Ивановну не видели сегодня на поле?

– Нет, а должна быть?

– Да вот и не знаю, где она сегодня. Наверное, с Вашим мужем в районо на совещании. Вчера вроде бы депеша в управление пришла. Лишь бы их вместе Иван не увидел. Ревнивый, как черт. Вы тоже посматривайте за своим. Она баба – ветер.

Я поежилась, будто ледяным ветром дунуло. Об этой возможности я еще не думала. Рано еще. Мне казалось, что мой муж любит только меня. Разве может ему понравиться сорокалетняя дама?! Бред. Я поспешила стереть с лица эти мысли под пытливым оком профсоюзного лидера.

– А кто Ваш муж? – полюбопытствовала я лишь бы сменить тему.

– Шофер. Мы уже двадцать лет как здесь живем.

– И не хочется в город?

Валентина Петровна улыбнулась, как несмышленной девочке и пояснила:

– Знаете, приеду в Рязань на курсы и больше недели не выдерживаю. Пыль, копоть, гарь, грязь. Задыхаюсь. Сдаю все зачеты, контрольные заранее и бегом сюда, в Отраду. Не случайно же так назвал свое имение какой-то граф. Его нет, а деревня вот живет. Красота-то здесь какая! Сказочная. Вы в Волове были?

Я замотала отрицательно головой.

– Вот пойдем по окрестным деревням переписывать учащихся, увидите. Не умею описывать, но дух захватывает, как там красиво. Вы никуда не уезжайте, оглядывайтесь, приспосабливайтесь. А в Волове можно и яблочек купить, и медком побаловаться. Хотите?

– Конечно! А далеко это?

– Нет, рядом, километров пять-шесть.

– А зачем ходить по дворам ребят переписывать? Вы же их знаете всех восемьдесят пять, а с жителями трех деревень каждый день видите?!

– Положено. Вот и ходим. Там и Ваши ученики есть. Познакомьтесь с родителями. А красота там невероятная! – повторила она и опять закатила глаза. Иван каждую осень свою жонушку и колхозное начальство туда на рыбалку возит. Тоже мне, избранные. В палатках и обледенелых вещмешках спать!

– Валентина Петровна, отметьте, – перебивает монолог биолога семиклассница. – Я высыпала!

– Хорошо, хорошо.

Поставив в тетради палочку, она обернулась ко мне:

– Ну, вот, поговорили. Выдалась минутка. А теперь надо идти к ребятам. Телега полная, сейчас уедет.

– Погодите, а варежки! Спасибо, очень теплые.

Доверху наполненная телега, грузно переваливаясь через развороченные ряды, медленно движется за трактором к дороге. Сыпать картошку некуда. Наконец – то можно передохнуть: сесть на ведро и не вынимать руки из карманов и не поднимать тяжеленные облепленные землей сапоги.

Моя радость была недолгой. Я и не заметила, что трактор с пустой тележкой уже давно стоял позади меня. Но почему здесь, на краю поля? Ребятам ведь далеко носить ведра! Недовольная, вскакиваю и командным голосом кричу трактористу, махая рукой:

– Сюда! На середину! На середину вывози телегу!

Трактор стоит, тракторист неподвижно сидит, будто и не слышит мои вопли и не видит меня. Иду сама к телеге, решительно размахивая руками, готовая отдавать приказы – и замираю от неожиданности, услышав мурлыкающий голос:

– А, это Вы, Эльвира Григорьева!

В телогрейке и шапке – ушанке хоть и трудно узнать мужа директрисы, да и видела я его всего один раз, но вот тембр ни с чем не сравнить.

Он ловко спрыгивает с крыла машины как раз передо мной. Оказывается, мы одного с ним роста и уши у него оттопыренные, как у школьника.

– Здравствуйтесь, здравствуйтесь! Вижу, вижу, что узнали. Вот так встреча! Как работается, как живет в моем доме?

– В Вашем?

– Конечно. Это же дом моей бабки. Значит, мой.

В доказательство он похлопал по фаре трактора и уставился на меня, не мигая.

«Какие синие- синие глаза. Да, в таких глазах не мудрено утонуть, – подумала я, вспоминая печальную исповедь директрисы.

От такого пристально – изучающего взгляда стало не по себе. Я почему-то испугалась.

– Ну, так что? Завтра я могу навеститься в свой дом, проверить, все ли в порядке в нем?

Этот решительный нагло-нежный тенорок напрягает: опять в доме будут посторонние.

Нет, этого допускать нельзя.

– Нет, не можете. Все вопросы по собственности решайте с Надеждой Ивановной. А к нам приходиться не надо.

–Ну, ну, Григорьевна! Что ж так грубо?! Познакомимся, подружимся. А? – говорит Иван последнюю фразу ласково, делает шаг вперед и, к своему ужасу, я вижу только красивые бездонно-синие глаза. Они притягивают, обволакивают. Еще мгновение – и я с испугом делаю шаг назад.

– Нет, нет. Это будет лишним.

– Эльвира Григорьевна, отметьте! – кричит ученик, спасая меня, и высыпает в тележку очередное ведро.

Я отмечаю и слышу совсем близко:

– Подумай! Со мной лучше дружить. А то ведь недолго и на улице оказаться!

Конечно, настроение испорчено на весь день. Неужели опять переносить книги, тетради, кастрюли, постель! «Ничего, надо поговорить об этом с директрисой. Пусть сама решает», – нашла я выход и успокоилась, не подумав о цели и мотивах такого поведения тракториста.

Глава 5

Через два дня колхоз, выполняя Постановление партии и правительства, привез нам машину дров-чурок, которые надо было нарубить и сложить в поленницу, приготовиться к зиме.

Великолепный тренажер! Шикарная зарядка для бывшего студента до самых холодов! Гора поленьев таяла, а мастерство мужа в рубке дров, как и его физическая мощь, неуклонно росло.

Намашется топором, бежит в дом, разрезает булку черного хлеба вдоль, основательно размазывает по ней пачку масла и заливает сверху медом. Сидит за столом, жует, запивает парным молоком, жмурится от удовольствия. Никогда еще не видела столько блаженства на лице от еды.

Месяц такой жизни – и гардероб мужа пришлось полностью менять. Он млеет, глядя на себя в зеркало, от своего солидного вида. Теперь он не мальчик, но муж. Свежий воздух, физический труд, умеренный, конечно, и молоко с медом увеличили его и в высоту, и в ширину. Он выглядел представительным, холемым интеллигентом в очках, а не тощим, изможденным студентом – бессребреником, укравшим в нашей комнате общежития булку хлеба со стола, пока я, дежурная, готовила суп на кухне. Прихожу – нет хлеба. Когда мы нашли воришку, от булки остались крохи. Он сидел на подоконнике лестничной площадки и виновато моргал, растопырив руки:

– Девчонки, я же не хотел, я же не нарочно. Понимаете, даже не помню, как он у меня в руках оказался.

Пришлось вести голодного бедуина в комнату и кормить.

И вот сидим мы как-то вечером около печки, греемся, я после полевых работ заоченела, а Женя отдыхал, как он говорил, от тупой деревенской работы. Треск березовых дров, язычки пламени, тишина, уют, покой. Чайник шумит, вот-вот закипит. Морозов еще нет, но холодно. Листья на деревьях вроде бы и висят, но блеклые, унылые. А в доме тепло, и на загнетке у меня всегда стоит десятилитровая кастрюля с горячей водой, на всякий случай.

Осеннюю идилию прервал стук в дверь, постучали, настойчиво, торопливо. Открываю дверь, на пороге стоит Надежда Ивановна, заплаканная, дрожащая, в летнем халатике и домашних тапочках.

– Ой, Надежда Ивановна, что это с Вами?! Проходите, проходите быстрее, – тараторила я растерянно, закрывая сени. – Вот, садитесь около печки.

При виде директрисы у Жени округлились глаза, но он встал и гостеприимно уступил даме самое теплое место. Стуча зубами, гостя еле выговорила:

– Можно я у вас побуду, здесь он не будет меня искать. Постесняется.

И без слов было понятно, что случилось. Ванечка в очередной раз доказывал жене свою сильнейшую любовь.

Конечно, это был вечер исповеди, воспоминаний, иногда легкий самоанализ, без выводов и решений. Я не противилась: кому-то же надо быть подушкой для слез, кроме меня некому.

Сначала это был поток обвинений и сетований.

– Мечтала о счастливой семейной жизни, вот и дочку ему родила. Нет, не ему, опять себе. Теперь и сын есть, и дочь есть, а счастья нет. Первый муж пил и бил и второй пьет да бьет, будто хотят на моих боках и лице выместить всю злость за неудавшуюся жизнь или за свою лень. Смогла же я, деревенская девчонка, выбиться в люди. Ночей не досыпала, работала до упаду, а институт, хоть и заочно, а закончила. Кто Ваньке мешал из трактористов в механики пойти? А? Не знаешь? Вот и я не понимаю. А умный! Читает запоем, больше меня. Начнет рассуждать-то, так не переспоришь. А что толку-то с того! За это деньги не платят! Филиппыч,

начальник тракторной бригады, целую сотню каждый месяц домой приносил! Прошлой весной повышение получил: назначили управляющим отделения. Это еще семьдесят пять рубчиков-то в карман. А?! Я ему – лови момент, место освободилось, иди, просись, ведь сможешь-то. Да! И в техникум бы на заочный-то мог пойти. Правда? Сам ведь не захотел, теперь злится, все потерял, а я виновата. Нет, надо опять расходиться, так больше жить нельзя.

– А как можно? – спрашиваю.

У нее комок подступил к горлу, глаза наполнились слезами, но она открыла рот и глубоким вдохом подавила рыдание.

Держала, сколько могла терпеть боль от ударов железных кулаков, вцепившись в его куртку, а потом, когда вырвался из ее цепких рук, обежал дом и понял, что детей в комнате нет, и его опять обманули, взбесился. Глаза налились кровью, схватил топор и – за ней... Слава Богу, что в сених есть две двери: в огород и во двор. Темнота тоже помогла. Убежала. Как же страшно было! Прячась за соседской баней, она, в одном халатике и домашних тапочках, тряслась не столько от холода и пьяного ора на всю деревню, сколько от страха и стыда.

– Да не знаю я. Детей жалко...

– А с чего началось-то все?

– Из-за них и началось все. Я стояла и орала на него, пришедшего опять пьяным:

– Я тебе дочку родила, а ты... ты даже не хочешь поиграть с ней, взять на руки. Дите тянется к тебе, а ты... – вспоминала она с криком брошенные слова, слова-камни, слова-удар. Видела, как моргал красными, пьяными глазами, закрывал их, наклонял голову то вправо, то влево их, будто хотел увернуться от удара, а она не останавливалась, била, била... И Иван тоже бешено заорал, брызгая слюной:

– А, для меня, значит, родила! Ну что ж, отдавай! Давай ее сюда! – Рубанул с силой воздух кулаком и, пьяно размахивая сильными руками, двинулся в комнату, где сидели дети. Анечка, пухленький двухлетний ребенок, испуганно заплакала, а бледный Игорек схватил сестричку на руки, прижал к себе, успокаивая.

Да, в этот момент от страха у нее онемело все внутри. Ей ли не знать его силу и упертость: если сказал – сделает. В голове пронеслось: ведь отнимет! Господи! Что же я говорю? Что значит «отдай»?! Как это я отдам своего ребенка? Да он вообще этого ребенка не хотел! Она бросилась мужу наперерез, как под поезд, повисла на его плече и закричала сыну: «Беги!»

А Иван с остервенением стучал в двери к соседям, матерился на всю деревню, искал ее, грозился убить. Умирать совсем не хотелось, и слезы никак унять. Она их и не чувствовала, только глотала. Вот предупреждала же бабка, когда еще с первым мужем ссоры пошли, никогда не говори мужчине таких слов. Детей рожают не для себя и не для него, а для Мира!

Мир нуждается в новой душе, – учила старая, – а тебе великая честь оказана поучаствовать в этом, выносить и взрастить!

– Мир, душа – это не для меня! Я же партийная, бабуль, – спорила Надежда и твердо стояла на своем, как и положено коммунисту.

– Какой коммунист!? Ты баба прежде всего, баба! Вот и знай свое бабье дело, – не унилась старуха.

– Жаль, не поняла тогда. – продолжала рассказывать Надежда, – А ведь Дима помягче характером-то был: сам первый рук не распускал, только сдачи давал, и то не всегда. Чаше плюнет с досады, сожмет кулаки и бегом из хаты. Да, Иван на руку-то скор будет, не в пример Димочке.

Она покачивалась из стороны в сторону, явно жалея о разрыве с первым мужем.

– Ну почему же мне такие никчемные мужики все попадаются?! – всхлипнула вдруг Наденька и от жалости к самой себе зарыдала в голос. – Как же стыдно быть опять разведенкой!

Неожиданно замолчала и обыденным голосом спросила:

– У вас зеркало есть? Ну, вот как завтра идти в школу?!

– Мы же в поле работаем!

– Вы в поле, а мне в поселок ехать на семинар, – объясняла директриса, рассматривая свое отражение. – Придется опять надевать коричневые очки. Они темные, все закроют. Да? Поместится в них синяк-то, а? Должен поместиться. Правда?

Я лишь кивала головой или мычала в ответ. Этого было достаточно: мои слова все равно лишь касались ее слуха, тем более, что дальше пошли воспоминания уже на раскладушке под затухающие всполохи печного жара.

Вот если бы можно было надеть розовые очки! Но они не только не спрятали чудовищный синяк, а выкрасили бы его в густо-фиолетовый цвет, который мгновенно состарил ее.

Но она любила эти очки, именно розовые. От них веяло морем, солнцем, музыкой. Сочи. Давно было, до замужества, ездила на свои первые в жизни отпускные после вступительных экзаменов в институт. Счастливые времена! Сквозь эти розовые стекла все вокруг становилось еще ярче, нежнее. Даже темные тени казались не мрачными и унылыми, а загадочно-фиолетовыми. А если подвести карандашом глаза, нарисовать длинные густые ресницы, которыми она гордилась, то станет, как прежде, неотразима, потому что мужчины, смотревшие на нее, не могли устоять против флера нежного румянца, отбрасываемого розовыми стеклами на ее румяные щеки. А сейчас от тех ресниц, как и от той косы ниже пояса, что сражала наповал, остались крохи. Она не могла дать определение тревожному чувству, охватившему ее, но хотелось реветь и биться об стену в безысходности. Она постепенно теряла все, чем гордилась в себе, и не осталось уже ничего, что вызывало бы в ней любовь и трепет. Она тонула в море повседневных обид, слез. Но своей вины в этом не видела, а злилась на все и всех обвиняла в своей неудавшейся личной жизни.

Сытый голодного не разумеет. Я слушала, сопереживала, но чем я могла помочь? Чувствовала, что женщина ждет от меня одобрения, а эти нужные слова, как на зло, выскочили из головы, и очень спать хотелось.

Глава 6

Учиться начали после ноябрьских праздников, со второй четверти. Мой учебный год начался в поле, может быть, поэтому я не помню первого урока в Отрадненской школе. Зато хорошо помню последний день полевых работ. Я замерзла до такой степени, что даже Нюра, соседка, обожавшая сидеть часами в бане, наслаждаясь парком и веником, выскочила в предбанник, а я только начала согреваться. Два дня и ученики, и учителя парились, откисали и вычесывали вшей. Мы так соскучились по урокам, по возможности сидеть в тепле целых полдня и узнавать что-нибудь новое, что первые недели учеба казалась отдыхом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.